

Тан Цю неожиданно переплела пальцы с пальцами Цзян Шаочэна и пристально посмотрела на него.

— Что? — спросил он озадаченно.

— Спасибо, что принес мне удачу, — сказала она, сияя. — Даже в детстве мне казалось, что несчастья постоянно преследуют меня. Но с тех пор, как я встретила тебя, я чувствую себя счастливой.

Сердце Цзян Шаочэна слегка растаяло.

— Ты — моя жена. Все, что принадлежит мне, принадлежит и тебе, включая мою удачу.

От этих слов и поцелуя лицо Тан Цю потеплело.

— Боже, Боже, это действительно ты, Тан Цю, — донесся до них надменный женский голос. Она набросилась на Тан Цю, как хищник на добычу. Тан Цю нахмурилась, услышав знакомый голос, затем повернулась и поняла, кому он принадлежит. Это была дочь Чэнь Маня, Хуамэй. Хуамэй часто навещала Фэнов, и было время, когда Тан Цю даже думала о ней, как о своей двоюродной сестре.

— Что это за уродливый уродец рядом с тобой, Тан Цю? Он что, калека? Ну, знаешь, в инвалидном кресле и все такое.

Издевательство сквозило в каждом слове Хуамэй. При виде шрамов на лице Цзян Шаочэна ее брови сжались от отвращения.

Гнев захлестнул Тан Цю:

— Держи свой рот закрытым, Хуамэй. Никто не спрашивал твоего мнения.

— То, что он уродлив — это факт. Разве я не могу говорить правду? Он твой парень? — она издала какой-то невнятный звук. — У тебя, Тан Цю, не очень хорошие вкусы, если ты нашла себе такого уродливого калеку, как он.

Брак Тан Цю не был широко известен — естественно, Фэны боялись огласки, — поэтому Хуамэй не знала, что мужчина в инвалидном кресле перед ней на самом деле Цзян Шаочэн. В прошлом сестры Фэн с большим удовольствием издевались над Тан Цю, и Хуамэй ничем не отличалась от них, считая ее не более чем насекомым под своей подошвой. Отвратительный калека рядом с Тан Цю был для Хуамэй лишь еще одним инструментом для издевательств.

Руки Тан Цю сжались в кулаки:

— Я предлагаю тебе бежать обратно в ту дыру, из которой ты вылезла. У меня сейчас нет настроения с тобой возиться.

Рот Хуамэй искривился в презрительной усмешке. Тан Цю была всего лишь служанкой Фэнов. Теперь же, найдя себе какого-то жуткого калеку, она стала дерзко разевать рот.

— Ты — маленькая шлюха, родившаяся от другой бесстыдной шлюхи. Твоя шлюха-мать соблазнила моего дядю, а теперь ты бежишь играть роль конфетки для такого отвратительного мужчины. Сколько он тебе платит? Честно говоря, — продолжала она, — я пришла напомнить тебе, для твоего же блага: у моей семьи слишком много достоинства, чтобы опускаться так низко, как ты. Обидно, знаете ли, что ты не научилась ничему ценному, только тому, как идти по стопам своей матери.

При упоминании о матери Тан Цю охватила ярость, лицо ее покраснело. Костяшки пальцев побелели, дрожа от ярости, а в глазах на мгновение мелькнуло убийство. Она покинула дом Фэнов, и ей больше не нужно было ходить вокруг них на цыпочках. Нет, она могла свободно мстить.

— Хуамэй, ты регулярно воруеть драгоценности Фэн Лу, а когда Фэн Лу не может их найти, спираешь все на меня. Для моего же блага, говоришь? Да кто ты вообще такая, чтобы учить меня?

Усмешка Хуамэй сменилась смущением, а затем приобрела едкий, горький оттенок.

— Какие у тебя есть доказательства? Ты, лжешь. Сама нагло воровала, а теперь обвиняешь меня? Фены были слишком добры к тебе. Они давно должны были забить тебя до смерти!

Прежде чем Тан Цю успела ответить, мужчина в инвалидном кресле схватил ее за руку.

— Эта женщина била тебя?

Недолго думая, Тан Цю перевела взгляд на Хуамэй, на лице которой была написана неприкрытая насмешка. Она кивнула. Хуамэй украла драгоценности Фэн Лу, потом показала на нее пальцем, оставив семью Фэн наказывать Тан Цю.

Цзян Шаочэн почувствовал боль в сердце. Он схватил ее за руку.

— Цю, это общественное место, давай не будем устраивать сцену.

Хуамэй посмела покуситься на его жену, и он не собирался отпускать ее за это. Но не стоит устраивать кровавую бойню в торговом центре или пугать Тан Цю.

Приняв его слова за неодобрение, Тан Цю сказала:

— Прости. Я слишком остро отреагировала. Я больше не буду с ней ссориться.

В свое время она тоже проглотила все свои реплики, не желая спорить с Фэнами и навлекать на себя побои.

— Боишься, что я вывешу все твое грязное белье? — спросила Хуамэй, самодовольно улыбаясь ее внезапному безмолвию.

Цзян Шаочэн вперил в Хуамэй ледяной взгляд, и по ее позвоночнику пробежала дрожь. Она отвела глаза, не решаясь встретиться с ним взглядом и молча удивляясь, как этот калека может внушать такой ужас.

Но калека оставался калекой.

— Твоя смазливая мордашка — полезный инструмент, Тан Цю, — сказала она с холодной насмешкой. — Но однажды твоя красота уйдет вместе с молодостью.

Обращаясь к мужчине в инвалидном кресле, она сказала:

— Если Тан Цю готова терпеть ваше общество за деньги, то она наверняка делала то же самое с другими мужчинами в прошлом. Примите мой добрый совет: вы и так жалкий человек, так что не стоит усугублять свое состояние и подхватывать какую-нибудь неизлечимую болезнь. Хотя, надо сказать, вам очень повезло, что женщина вообще готова вас терпеть, не говоря уже о том, что ей все равно, какая у вас болезнь.

Цзян Шаочэн застыл в ледяном молчании. В этот момент принесли заказанный Тан Цю кофе, и он, взяв его, вылил обжигающую жидкость на лицо Хуамэй. Она громко застонала, и закрыла лицо руками.

Голос Цзян Шаочэна был холоден, как суровая зима.

— Убирайся..., — сказал он, — если не хочешь, чтобы я изуродовал твое лицо.